

ИНТЕРВЬЮ
«ЛИТЕРАТУРНОЙ РОССИИ»

ПРОЗА ЛОМОНОСОВА

Вышел в свет однотомник избранных прозаических сочинений Ломоносова. Как явление художественной культуры проза великого архангелогородца никогда до сих пор отдельно не издавалась, даже не была — в таком качестве — собрана и осмыслена.

Корреспондент «Литературной России» обратился к составителю однотомника Виктору Андреевичу ДМИТРИЕВУ и попросил прокомментировать столь уникальное издание.

— Почему на протяжении 216 лет после смерти Ломоносова, как и при жизни, он не был должным образом представлен читателям как прозаик?

— Главный подвиг Ломоносова в области словесности современники и потомки видели в его поэтическом творчестве и преобразовании русского языка. То и другое стало действительно переворотом, поражающим воображение, особенно тех, у кого было свежо в памяти предшествующее состояние литературного языка в России. Этот подвиг до известной степени затмил надолго достоинства ломоносовской прозы, которую, случалось, умели оценить, но, как правило, лишь полутно.

— Только ли в этом причина?

— Причин, разумеется, больше. Упомяну о том, что в эпоху Ломоносова проза как жанр считалась ниже поэзии (оды) или драматургии. Но от эпохи к эпохе понятие «высокого» и «низкого» в искусстве, литературе изменяется. Для нас проза Ломоносова — несомненная ценность высокого порядка. К тому же как прозаик он совсем не архаичен — достаточно открыть, к примеру, «Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи», «Древнюю Российскую историю» или письма.

Михайло Ломоносов. «Избранная проза». Сост., вступ. статья и коммент. В. А. Дмитриева. Издательство «Советская Россия». 1980. 512 стр. 2 руб. 20 коп.

— Ломоносов, напоминаете вы в предисловии, не писал романов, повестей, рассказов, то есть произведений с вымышленными персонажами и событиями. Не в этом ли определяющая причина того, что Ломоносова традиционно не относят к писателям-прозаикам? И какими критериями вы руководствовались, формируя состав однотомника?

— Ломоносов сам подробнейшим образом объяснил в «Риторике», какова его проза, прокомментировав соответствующие теоретические положения и проиллюстрировав их.

Да, она не та, какая привычна нам и впервые в русской литературе была выработана, собственно, Карамзиным, стало быть, после Ломоносова. Под пером последнего проза — это чаще всего то, что тогда определяли как «речь» или «красноречие».

Современное повествование и тогдашняя «речь» разнятся очень сильно. Роман, даже самый занимательный, не рассчитан на то, что он будет прочтен залпом. Роман можно отложить, потом продолжить чтение. А «речь» — совсем другое дело.

Ей *внимают*, она должна быть воспринята сразу вся, поэтому не может быть слишком длинной, она лаконична. В «речи» последовательно и соответствующими средствами осуществляется установка на непосредственный контакт со слушателем (читателем). Как и в оде, помимо грамматической интонации, важную роль, по наблюдению Ю. Тынянова, играло и ораторское мастерство — слово получало значение стимула для жеста.

У Ломоносова, таким образом, нет дистанции между автором как личностью и адресатом. Речевой контакт живет в его прозе постоянно. В обычной повествовательной прозе имеет место иного типа контакт, не столь прямой, не такой обнаженный. В наш век это «преодоле-

ние дистанции», которое присуще прозе Ломоносова, предстает неожиданным, если не сказать магическим. Важно и то, что все это не только было мастерской данью законам риторики, но отвечало духовной сути Ломоносова как личности, его открытой, исповедальной и в то же время проповеднической натуре.

— Что можно сказать о духе и содержании этой прозы?

— Многие становится более понятным, если подойти к прозе Ломоносова прежде всего с той точки зрения, что в ней почти всегда присутствует сквозной герой. Он активно действует в повествовании, оригинально мыслит, глубоко чувствует.

Этот притягательный герой — сам Ломоносов, разум и сердце которого открывают нам еще большее: перед читателем встает образ русского народа и Родины.

Иными словами, есть основания расценивать прозу Ломоносова, включая эстетически значимые страницы научной публицистики, почти сплошь эпистолярное наследие, даже некоторые его деловые записки, как документальную, притом во многом автобиографическую прозу, хотя ее создатель никогда не ставил перед собой цели писать автобиографические произведения.

— И все же написал?

— Эта прекрасная литература автобиографична по сути, но не по назначению. Перед нами не мемуары или иной плод досуга, не итоговое описание и оценка прожитой жизни, а сама жизнь в ее повседневных проявлениях и потребностях, побуждавших Ломоносова не откладывая браться за перо и таким путем вмешиваться, влиять, добиваться. Это всякий раз поступок, насыщенный необходимостью, исполненные большого исторического смысла. В первичном своем значении прозаические произведения Ломоносова — это,

как уже сказано, либо научное сочинение, либо деловая записка, либо частное письмо. Но прочитанные согласно, вместе, они предстают как страницы большой и яркой повести о времени и о себе. Всюду является нам автор, везде мы слышим его голос, заражаемся его страстью, надеждой и разочарованием, гневом, радостью, скорбью, его одушевлением и деятельной энергией. Это всегда значительно, мощно. И какая пронзительность! Недаром Пушкин сказал о Ломоносове: «...он все испытал и все проник».

— Раз мы перешли к личности Ломоносова, ярко отразившейся и в прозе, хотелось бы услышать ваше мнение о высказывавшихся в разное время суждениях из лагеря недругов Ломоносова о его якобы чрезвычайной субъективности в оценках.

— Пристрастность Ломоносова лишь усиливает достоверность оставленных им описаний и характеристик. Как живые, зримо возникают перед нами современники Ломоносова, равно и персонажи предшествующей истории, не исключая древней. В столь же живых образах, запечатлевших самую суть происходившего, причем с интеллектуальной высотой, какая, как мы теперь знаем, больше никому в России не была тогда доступна, раскрывается время — середина XVIII столетия. Судьба человеческая и судьба народная неразрывны под пером Ломоносова, как и в его душе.

— Следовательно, помимо чисто читательского удовольствия, которое эта проза доставляет, она может служить надежным источником для более глубокого постижения эпохи и личности Ломоносова?

— Несомненно! Хрестоматийное представление о Ломоносове, верное в главных чертах, все-таки слишком суммарно и до известной степени поверхностно. Другое дело, ежели непосред-

венно знакомиться с наследием Ломоносова, вчувствоваться в мир его щедрой, глубокой человечности. Обращение к первоисточнику всегда живительно, его ничем нельзя заменить. Читая прозу Ломоносова, оказываешься один на один с неподдельным, истинно человеческим величием — буквально во всем, Величием в обстановке духовной оцепенелости вокруг, особенно нестерпимой после петровского времени, памятного Ломоносову неукротимой энергией и размахом смелых, масштабных преобразований.

Вообще же духовная наполненность томыслов, дел, писаний Ломоносова была такова, что окружающее предстает ему не сквозь призму условностей света, мелочных обид и притязаний — с высоты великих стремлений, дерзаний жизнь открывается иначе. Проза Ломоносова наглядно и, я бы сказал, колоритно подтверждает вывод советских его биографов о том, что все, о чем думал и писал Ломоносов, было подчинено идее служения науке и культуре, делу народного просвещения. Исходя из этих интересов, он строил свои личные отношения с людьми: друзья наук — его друзья, враги просвещения — его враги.

— Что можно еще сказать о Ломоносове именно как прозаике?

— Он чутко схватывал масштаб происходившего, умел лаконично передать его в слове наряду с выразительной индивидуализацией действующих лиц, их психологически насыщенными характеристиками, Ломоносов мастер мгновенно набросать достоверный портрет души, причем так, что вместе с описываемым лицом оживает само время и, словно в кинематографе, приходят в движение обстоятельства, казавшиеся перед тем застывшими. Проза Ломоносова — это духовная биография гения, запечатленная им самим.